

могла подействовать на путешественника, и без того зараженного ядом сомнения; ведь если невозможно восстание сейчас, то значит предстоит долгий путь борьбы в одиночку. Выдержит ли он? Вновь возникала проблема о праве на самоубийство, если долгность человека и гражданина исполнить невозможно, — проблема ухода от активной борьбы. Въезд путешественника в Москву поэтому был скорбен. Таким образом путешественник приходил к тому же выводу, что и Крестьянкин и крестецкий дворянин. Их пессимизм охватил и его. И, несмотря на то, что тема «Путешествия» в целом выдвигала иные идеалы, что материал книги утверждал иной путь героя, путь к угнетенным, к осознанию необходимости революции, к осуждению пассивности и к провозглашению идей борьбы, книга все же заканчивалась пессимистически. . . Книга переставала звучать призывным набатом, она не звала к борьбе, она лишь утверждала веру в будущую победу угнетенных, но не учила, что делать сейчас. Таков был конец книги, навеянный минутной слабостью Радищева-человека. Но так не должна была кончиться книга убежденного демократа и революционера. И композиционная переработка цензурного списка Радищевым — это мужественная борьба писателя с трагическим восприятием жизни. Он победил в себе пессимизм, человеческую слабость. В нем восторжествовало мужество революционера. Он выбрасывает эпизод встречи с самоубийцей, заменяя его мажорным «Словом о Ломоносове», а к книге он пишет новый, подлинный конец — посвящение Кутузову — одно из сильнейших мест в книге. Он открывает читателю свою великую радость: он нашел в себе силы противиться заблуждению, он постиг истину, и наконец, «вселение неизреченное! Я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благоденствии себе подобных», и уже в таком виде он отдал книгу читателю.

о причине, толкнувшей его на самоубийство. Утрата этих страниц создала трудность в определении мотивов самого самоубийства. Внимательное чтение заключительного отрывка главы, следующего после утраченных листов, позволяет, однако, установить, что перед нами продолжение исповеди самоубийцы, который говорит о третьем лице как истинном растраччике, чье «уху привыкло к общему нареканию». Напомню дошедший до нас отрывок исключенного после цензуры заключения книги.

«Погруженный в сих мыслях я, выехав с почтового стана, приближался уже к Москве. Проехал уже Всесвятское и сравнялся с краем прекрасной рощи, по конец его стоящей. Вдруг, я услышал выстрел и после того стеномие болящего человека. На мысль пришло мне, что некто, может быть, неосторожностью какого-нибудь стрелка ранен. Трепещущ от сей мысли я выскочил из кибитки и поспешал на помощь страждущего. Но совсем я ошибся в моем заключении. При входе в рощу я обрел человека изрядно одетого, сидящего на земле; подле него к сосне привязана была оседланная лошадь. В правой руке держал он пистолет, коим произведен был выстрел, и сквозь его кафтан на разорванном рукаве видны были капли крови.

— Какой несчастный случай допустил тебя уязвить самого себя, — говорил я сидящему в задумчивости. — Конечно, неосторожно пущенной курок был тому причиною. Позволь, я сниму с тебя кафтан. Я потщусь, если могу тебе оказать облегчение.